

ТЕНДЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

TRENDS PROFESSIONAL CRIME IN RUSSIA

E. Glushkova

Annotation

Public danger of professional crime is higher in comparison with the crime, is not related to that. This factor seems due to the fact that a professional criminal activity, because of the increased "skill" of its subjects, creates a greater likelihood of socially negative effects, and more serious than ordinary criminality has increased and therefore socially dangerous.

Keywords: case-law, socio-negative environment, racketeering, criminal, public danger, surplus product obshchak-looking, shadow procedure, anti-social environment.

Глушкова Елена Михайловна

К.юр.н., доцент каф. гражданско-правовых дисциплин Уральского института доп. профессионального образования, "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)", член Российской криминологической ассоциации, г. Екатеринбург

Аннотация

Общественная опасность профессиональной преступности является более высокой по сравнению с преступностью, не относящейся к таковой. Данный фактор представляется обусловленным тем, что профессиональная преступная деятельность, в силу повышенного "мастерства" ее субъектов, создает большую вероятность наступления социально-негативных последствий, причем более тяжелых, чем обычная преступность и потому носит повышенный общественно опасный характер.

Ключевые слова:

Прецедентность, социально-негативная среда, рэкет, преступник, общественная опасность, прибавочный продукт, общак, смотрящий, теневая процедура, антиобщественная среда.

Характер общественной опасности профессиональной преступности выражается, во-первых, в преступной деятельности, осуществляемой как профессия и порождающей социально-негативные последствия приспособительного и преобразовательного характера, во-вторых, в прецедентности существования этой деятельности.

Степень общественной опасности профессиональной преступности является более высокой по сравнению с преступностью, не относящейся к таковой. Это обусловлено тем, что профессиональная преступная деятельность, в силу повышенного "мастерства" ее субъектов, создает большую вероятность наступления социально-негативных последствий, причем более тяжелых, чем обычная преступность. Следует также отметить, что криминальный профессионализм означает ориентацию на длительную преступную деятельность, а существование профессиональной преступной среды является основой для его воспроизводства и развития. Все это повышает прецедентность существования профессиональной преступности.

Кроме того, повышенная степень общественной опасности профессиональной преступности состоит также в том, что она, вместе с некоторыми иными видами преступности (например, организованной), порождает специфический вид последствий – социально-негативную среду, криминализирующую современный социум.

Это выражается в следующем:

1. В экономической сфере происходит криминализация производственных отношений, отчего общество несет материальные издержки. В частности, в предпринимательской деятельности широкое распространение получил рэкет, который выражается в основном профессиональной групповой преступной деятельностью, направленной на отнятие у предпринимателей части прибавочного продукта за счет криминального насилия. Результатом такой деятельности является удорожание производимых товаров и оказываемых услуг, снижение их качества, сужение базы налогообложения из-за сокрытия части прибыли, отдаваемой рэкету.

2. В сфере социального управления криминализация состоит в выполнении криминалитетом многих функций, аналогичных функциям государственных органов, в частности, в местах лишения свободы. Особо показательным в этом отношении является институт "смотрящих", которые назначаются "ворами" в законе из числа приближенных к ним осужденных. "Смотрящие" занимаются сбором с осужденных денег, продуктов, иных предметов потребления в "общак", при достижении компромисса с администрацией мест лишения свободы помогают ей поддерживать порядок, выполнять производственные задания, оказывают в необходимых случаях осужденным материальную и моральную поддержку при выходе из мест лишения свободы и в других сложных ситуациях. В обязан-

ности "смотрящих" входит также контроль за деятельностью администрации мест лишения свободы с тем, чтобы она не нарушала права осужденных: правила техники безопасности, условия оплаты труда осужденных и т.д. Практика показывает, что "смотрящие" выполняют эти функции иногда эффективнее, чем работники прокуратуры или сотрудники управленческого аппарата исправительных учреждений, осуществляющие ведомственный контроль за местами лишения свободы. В состоянии преступная среда в местах лишения свободы проводить также работу, аналогичную оперативно-разыскным мероприятиям. В целом ряде учреждений преступными авторитетами ведется своеобразная разведывательная и контрразведывательная деятельность. Разведывательная деятельность направлена в основном на установление коррумпированных сотрудников из числа администрации мест лишения свободы, сбор на них компрометирующей информации с целью склонения к сотрудничеству с криминальными структурами. Контрразведывательная деятельность криминальной среды направлена на обеспечение ее закрытости, пресечение возможной утечки информации, выявление негласных сотрудников администрации, распространение дезинформации.

Криминалитет претендует на социальную власть не только в местах лишения свободы, но и во всем социуме. Например, происходит "вымывание" подсудности у судов, входящих в государственную судебную систему. Это означает, что возникающие между субъектами права конфликты, которые вытекают из существующих правоотношений и требуют для своего разрешения судебной процедуры, решаются помимо официального судопроизводства с помощью лидеров и "силовых" структур криминальной среды. Прежде всего речь идет об имущественных спорах, составляющих подсудность арбитражного суда [12]. Такие споры касаются в основном долговых обязательств (выбивание долгов, воздействие на кредиторов в интересах должников и т. д.) [29, с. 144]. Попытки реформировать судебную систему на демократических началах на практике привели к тому, что "теневая" процедура разрешения правовых конфликтов оказалась более эффективной, более быстрой, менее дорогостоящей и имеющей более надежные структуры исполнения решений лидеров преступной среды, чем институт судебных приставов.

Масштабность этого явления позволяет исследователям справедливо утверждать, что в России сформировалась система "теневой юстиции". Эта система включает в себя разрешение на основе норм обычного права и криминальных норм решений по имущественным спорам, а также исполнение этих решений под угрозой криминального принуждения [29, с. 30]. Мало того, такая модель "правосудия" в отдельных случаях воспринята правоохранительными органами, руководители которых используют подчиненные им спецподразделения в системе теневой юстиции, т. е. для разрешения имущественных споров, передела собственности, возврата долгов. Разумеется, что такая трепетная забота правоохранительных органов об интересах одной из спорящих сторон

оплачивается последней. Это явление приобрело настолько развитые формы, что стал наблюдаться в сфере теневой экономики процесс подмены прикрытия предпринимателей со стороны криминальных структур прикрытием со стороны правоохранительных органов ("синие" крыши стали заменяться "красными") [3, с. 33–34; 28, с. 74]. Не случайно исследователи стали говорить о своеобразном бюрократическом рэжете [8, с. 13].

Следует обратить также внимание на стремление криминальных структур войти в отдельные политические партии и движения [27]. Это явление можно рассматривать одновременно и как вхождение криминалитета в политику, представители которого избираются в законодательные органы по партийным спискам, и как легализацию незаконных доходов, которыми финансируется деятельность этих партий и движений [4, с. 77–78].

3. В сфере социальных отношений криминализация социума состоит в том, что криминальный профессионализм становится средством адаптации целых социальных общностей в сложных экономических условиях. Значительная часть населения втягивается не просто в теневую, а в криминальную экономику [21, с. 20]. Так, в профессионально действующие преступные группы перерастают целые цыганские общины, занимающиеся сбытом наркотических средств и другими видами криминального предпринимательства. Отсутствие в современном социуме усилий государства, направленных на вовлечение цыган в позитивную деятельность, сохранение родоплеменной организации их общности, не позволяют цыганской общине занять социально-позитивную нишу в общественном разделении труда, усвоить законопослушные нормы и социальные роли, заниматься легальным предпринимательством.

4. В сфере социализации подрастающего поколения криминализация выражается в существовании и деятельности криминогенных территориальных подростково-молодежных группировок, через которые идет интенсивный процесс воспроизводства социальной базы преступного мира. Эти группировки как фактор криминальной социализации несовершеннолетних проявляют себя, во-первых, в том, что создают относительно закрытую антиобщественную среду, находясь в которой подростки приобщаются к криминальным нормам и ценностям, субкультуре, социальным ролям и образу жизни, а также активно воспроизводят криминальный образ жизни в своей жизнедеятельности. Во-вторых, в том, что негативно влияют на многие процессы в социуме, в частности, разрушают позитивную неформальную среду социализации подростков, претендуя на единственно возможную организационную форму объединения несовершеннолетних, негативно сказываются на воспроизводстве рабочей силы и деятельности многих социальных институтов, ухудшают морально-психологический климат среди населения из-за массовых нарушений общественного порядка и других преступлений, вызывающих большой общественный резонанс, способствуют деформации правового сознания [5, с. 35–42]. Следует отметить, что криминализация несовершеннолетних в территориальных под-

ростково-молодежных группировках – явление не чисто российское, а характерное для стран, столкнувшихся с интенсивными процессами миграции населения и урбанизации крупных городов [2; 11].

5. В сфере освоения правового поля криминализация социума выражается, во-первых, в частичной легализации профессиональной преступности. Во-вторых, в использовании профессиональными преступниками имеющихся "пробелов" в праве и существующих правовых норм в противоречии с их социальным назначением. В первом случае криминалитет пользуется неурегулированностью некоторых отношений действующим законодательством. Например, криминальные структуры активно легализовали незаконные доходы, приобретая на них в начале 90-х годов XX века приватизированные объекты, пользуясь тем, что от участников приватизации ранее действующее законодательство не требовало доказывания правомерности происхождения доходов. Во втором случае с помощью права создается дополнительный барьер безопасности для криминалитета от позитивного социального контроля со стороны социума. В ряде случаев представителям криминалитета удается получить депутатский мандат для того, чтобы приобрести депутатскую неприкосновенность. Следует отметить, что освоение правового пространства – это явление не только новое для современного криминалитета. Оно представляет также отступление от определенных устоев такой разновидности профессиональной криминальной среды, как "воры в законе". Отдельные авторы рассматривают такое отступление от традиций воровской среды, которой свойственно негативное отношение к законопослушному образу жизни, как двуличность "воров в законе", как реализацию ими только своих личных целей [25, с. 47]. На наш взгляд, это поверхностное объяснение глубинной стратегии приспособления криминальной среды к новым социально-экономическим условиям.

6. Криминализация творческой деятельности выражается, во-первых, в том, что один из ее продуктов – криминальная субкультура становится обыденным явлением жизни. В частности, широкое распространение получил криминальный жаргон. Некоторые лингвисты считают это явление нормальным и даже позитивным, способствующим развитию и совершенствованию русского языка [18, с. 3; 30]. Вместе с тем внедрение жаргона в нормальную социальную среду влечет негативные изменения в сознании и поведении людей [6, с. 44]. Особенно негативную роль играет вульгарно-бранная часть жаргона. По этому поводу директор Института русской литературы РАН Н.Н. Скатов заметил: "... разрушается иерархия в языке, имею в виду такое чудовищное явление, как внедрение матерщины в нашу лексику. Что скрывать, матерщина с незапамятных времен существовала в нашей жизни, весь фокус в том, как к этому относиться.

То, что слышим порой в фильмах, недавно называлось нецензурщиной, непечатными словами. А мы в условиях отсутствия цензуры печатаем и произносим то, что не печатается и не должно печататься. В то время как брань – страшная вещь, могучее и соблазнительное орудие, тем

более что мы изобрели ругань невиданной силы и громадного цинизма" [22]. Однако использование даже социально-нейтральных терминов в целях оправдания преступного образа жизни влечет криминализацию и языка, и общественного сознания, т. к. происходит смысловая замена нормального содержания этих терминов на негативное. Например, в обыденном сознании термин "бригада", во многом благодаря одноименному отечественному "киношедевр", ассоциируется не с производственной бригадой, а с группировкой профессиональных бандитов. Особенно странным, на наш взгляд, является определенная романтизация в публицистике образа профессионального преступника, прежде всего "вора в законе", сотрудниками правоохранительных органов [10].

7. В информационно-психологической сфере криминализация социума состоит, во-первых, в превращении средств массовой коммуникации в мощную детерминанту преступности, способствующую разрушению позитивного правосознания граждан, дискредитации авторитета государственных органов, и, прежде всего, правоохранительных органов, нормативному утверждению криминального образа жизни, разрушению системы государственного и общественного контроля над преступностью. Это стало возможным в результате противоречивого развития средств массовой коммуникации (печати, радио, кинематографа, телевидения). С одной стороны, утрачена неоправданная монополия государства на массово-коммуникативное воздействие [19, с. 7], оказываемое на население, с другой стороны, к средствам массовой коммуникации получили доступ деструктивные силы, в частности криминальные структуры [9], которые навязывают обывателю свои квазиценности, формирующие личность непродуктивной, антисоциальной ориентации. Культивирование маргинального поведения увеличивает круг людей, пользующихся услугами порочного свойства, на которых экономически паразитирует организованная и профессиональная преступность. В частности, обращение к услугам проституток стало обыденным явлением среди "новых русских" в период их многочисленных попок.

Во-вторых, криминализация социума в указанной сфере состоит также в освоении криминалитетом виртуальной реальности в преступных целях. Пополнение рынка безработных высококвалифицированными специалистами-компьютерщиками, которые не нашли позитивного применения своим способностям, представляет большой интерес для криминальных структур, превращает компьютерную технику в мощное информационное оружие совершения преступлений. Профессиональная преступность, войдя в сферу виртуальной реальности, стала в еще меньшей степени подвергаться контролю со стороны общества, поскольку результаты разработки технических средств защиты от компьютерной агрессии до сих пор не являются достаточно эффективными [7, с. 9–15; 20, с. 68–73].

На наш взгляд, создание негативной социальной среды жизнедеятельности, криминализация социума являются основным и наиболее значительным вредом от про-

фессиональной преступности, которая становится одним из сильнейших элементов самодетерминации преступности в целом.

Безусловно, профессиональная преступность – это динамичное явление, имеющее свои тенденции развития, к которым относятся следующие.

Во-первых, "воры в законе" отказались от наиболее обременительных традиций воровской среды, сдерживающих необходимость приспособления последней к изменившимся социально-экономическим условиям. В частности, воры стали заключать браки, т. к. семья является наиболее надежной социальной группой для сохранения и приумножения теневого капитала. Смягчены наиболее жесткие запреты на недопустимость любого сотрудничества или даже нейтральных контактов с государством. Это коснулось даже мест лишения свободы. По утверждению специалистов, криминальным авторитетам стало выгодней сотрудничать с администрацией мест лишения свободы, чем находиться в оппозиции [1, с. 76]. Об этом свидетельствуют многочисленные "малявы" (письменные послания воров, содержащие толкование воровских понятий), с которыми воры обращаются к остальной части "блатного мира", прежде всего к молодежи. Так, в одной из "маляв", составленной в Нижегородском центре в марте 1994 года ворами "Устимом" и "Седым", указывается: "Не вступайте в порожняковые конфликты с мусорами. Старайтесь приблизить их и использовать в своих целях на благо Общества" [25, с. 456]. Появился даже термин "хороший козел", которым называют осужденного, сотрудничающего с администрацией и одновременно оказывающего помощь в консультировании, оформлении бумаг и т. д. [1]. Не обязательным для воров стало личное совершение преступлений, они все больше уходят от непосредственной преступной деятельности, переключаясь на функции общего руководства и консолидации преступной среды. Не характерно для большей части воров бессмысленное транжирование всего похищенного. Несмотря на стремление их к показной роскоши, склонности к порочным и дорогостоящим потребностям (наркотикам, спиртному, проституткам и т. д.), воры принимают меры к вкладыванию криминального капитала в экономику, его легализации. Для воров сегодня не требуется наличие длительного стажа в местах лишения свободы. Мало того, стало возможным получение "звания" "вора в законе" без всякого "тюремного стажа" путем внесения денег в "общак", т. е. фактически путем его покупки [23, с. 97]. Нарушен и такой традиционный воровской запрет, как невмешательство воров в политику. В частности, грузинские и абхазские воры активно вмешивались в грузино-абхазский конфликт. Некоторые из воров, как уже отмечалось, вступают в непосредственные контакты с представителями политических партий и движений [25, с. 47].

В этой связи отметим, что названные изменения не коснулись мировоззренческих основ воровской среды, ее маргинальной и негативной сущности жить за чужой счет, стремления негативно влиять на общество, криминализировать его. Произошедшие изменения лишь по-

зволяют воровской среде мобильно адаптироваться к быстро меняющимся социально-экономическим условиям. В настоящее время из ранее имевших место ограничений на контакты воров с более широким социумом остались только те, которые наиболее просты и удобны для самих воров (не работать, не служить в армии и т. д.).

Во-вторых, социальная среда профессиональной преступности значительно расширилась. Сегодня она представлена не только "ворами в законе", но и представителями других криминальных образований, возникших на основе криминогенных подростково-молодежных хулиганствующих группировок, активно заявивших о себе во второй половине 80-х годов прошлого века, преступных групп спортсменов-вымогателей, сообществ коррупционеров и руководителей-хозяйственников, этнических и национальных землячеств представителей дальнего и ближнего зарубежья и т. д. [17, с. 117–118, 141, 184–188, 192; 24, с. 185]. Условно новое представительство профессиональной преступности именуют в литературе неопрофессионализм, а традиционное воровское движение – ретропрофессионализм [21, с. 20]. Следует отметить, что становление неопрофессионализма при переходе общества к рынку проходило достаточно интенсивно. Неопрофессионалы энергично и бесцеремонно очищали себе дорогу в социально-экономическом пространстве, вытесняя из него представителей воровского движения, в том числе путем их физического устранения [26, с. 260–261, 327–329]. Например, в Красноярске неопрофессионалы сначала полностью нейтрализовали влияние "воров в законе" на экономические процессы, а при попытке последних восстановить это влияние, организовали их отстрел. Оставшиеся в живых воры покинули город [15, с. 299–305]. Такое многообразие криминального профессионализма, безусловно, затрудняет борьбу с ним, т. к. дает возможность профессиональному преступнику перемещаться из одной криминальной среды в другую, менять виды преступной деятельности.

В-третьих, следует отметить раскол воровской среды по национальному признаку. Эта тенденция во многом связана с распадом СССР на самостоятельные государства и стремлением российских воров устранить от контроля своей территории выходцев воров с Кавказа. Очевидно, эти национальные противоречия в среде криминального профессионализма обусловлены тем, что с первыми шагами советского общества на пути к рыночной экономике во второй половине 80-х годов XX века выходцы из кавказских республик бывшего СССР быстрее стали приспосабливаться к изменяющимся социально-экономическим условиям, отойдя от наиболее обременительных традиций воровской среды. Именно эти воры без наличия необходимого стажа пребывания в местах лишения свободы стали покупать титул "вора в законе" путем внесения денег в "общак", за что получили от российских воров прозвище "лаврушники", стали заключать браки, вмешиваться в политику, ввязываться в хозяйственную деятельность, легализовывать деньги из общака, вступать во взаимовыгодные контакты с право-

охранительными органами. Безусловно, что российские воры хотели быть хозяевами на своей территории, и прежде всего в экономической сфере.

В-четвертых, прослеживается тенденция резкого расслоения среды профессиональных преступников по имущественному признаку. Несмотря на то, что в целом все профессиональные преступники являются социальными паразитами, живущими за счет отнятия части прибавочного продукта, создаваемого законопослушными членами общества, среди них есть состоятельные, удачно освоившие новые экономические отношения, и бедные, в частности, те, которые до сих пор придерживаются чистоты "воровской идеи", не позволяющей вору заниматься накопительством [14, с. 325–329]. Воры, придерживающиеся чистоты "воровской идеи", сохранили

существенное влияние только в местах лишения свободы, в более широком социуме влияние имеют воры новой формации.

В-пятых, следует отметить также такую тенденцию, как консолидация профессиональной преступной среды. Не случайно что в современный период профессиональные преступники тяготеют к групповой преступной деятельности, а раньше предпочитали действовать в одиночку [16, с. 78]. Мало того, криминальный профессионализм лежит в основе организованной преступности, тесно смыкается с ней.

В заключение отметим, что указанные тенденции свидетельствуют о расширенном воспроизводстве профессиональной преступности, нарастающей ее общественной опасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. 1996. № 10. С. 76.
2. Бандформирования всех стран мира / Автор-сост. Н.Н. Макарова. Минск, 2005.
3. Баранов В.М. Теневое право. Н. Новгород, 2002. С. 33–34.
4. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М., 1999. С. 77–78.
5. Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки. Казань, 1994. С. 35–42.
6. Васильев А.Д. Владение русской литературно-языковой нормой как необходимый компонент профессионализма сотрудника органов внутренних дел // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. науч. тр. Красноярск, 1999. С. 44.
7. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия. М., 1996. С. 9–15.
8. Волженкин Б.В. Коррупция. СПб., 1998. С. 13.
9. Горшенков Г.Н. Массово-коммуникативное воздействие на криминогенную ситуацию (региональный аспект): Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 1997.
10. Гуров А.И., Рябинин В.Н.. Исповедь вора в законе. М., 1995
11. Енджеевский М. Тусовка. М., 1988.
12. Иванов В. Арбитраж как зеркало всех противоречий // Комсомольская правда. 2005. 14 января.
13. Карышев В.М. Солнцевская братва. М., 1999. С. 251.
14. Константинов А. Бандитский Петербург. М., 1998. С. 325–329.
15. Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. СПб., 1997. С. 299–305.
16. Криминология. Особенная часть / Под общ. ред. В.Я. Рыбальской. Иркутск, 2001. С. 78.
17. Модестов Н.С. Москва бандитская. М., 1997. С.117–118,141, 184–188,192.
18. Мокленко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001. С. 3.
19. Ножин Е.А. Проблема определения массовой коммуникации // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974. С. 7.
20. Овчинский А.С. Противодействие организованной преступности в информационно-психологической сфере // Известия методического центра профессионального образования и координации научных исследований МВД России. 2007. С. 68–73.
21. Овчинский В.С. Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации: Дис ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата. М., 1994. С. 20.
22. Пастухова И. Русский язык общежительный ... // Вечерний Челябинск. 2003. 20 июня.
23. Подлеских Г., Терешок. А. Воры в законе: бросок к власти. М., 1994. С. 97.
24. Раззаков Ф.И. Бандиты времен капитализма. М., 1997. С. 185.
25. Разинкин В., Тарабрин А. Цветная масть. Элита преступного мира. М., 1997. С. 47.
26. Рудаков А.Л. Слава Япончик. М., 2003. С. 260–261; 327–329.
27. Селезнев В. К руководству казачьим движением рвется мафия // Российская газета. 2004. 24 августа.
28. Скобликов П.А. Взыскание долгов и криминал. М., 1999. С.74;
29. Скобликов П.А. Имущественные споры и криминал в современной России. М., 2001. С. 144.
30. Цуплов А. Жаргон – энциклопедия современной тусовки. М., 1998.